

Виэн не знал, как выкрутиться из положения, и на мгновение замер на месте. Жемчужинка, заметив, что рука на её животике замерла, недоумённо мякнула пару раз, а затем принялась усердно тереться головой о руку Виэна.

Ансель пристально смотрел на него, а в уголках его губ таилась улыбка.

На самом деле Ансель не так уж сильно жаждал узнать ответ. Или, вернее сказать, каким бы умным он ни был, ему и в голову не могло прийти, что этот красивый слуга с черными волосами и зелеными глазами перед ним — переродившийся человек. Он просто хотел понаблюдать за растерянным и испуганным взглядом Виэна, чувствуя, что лишь в такие моменты скрытая внутри хрупкая душа постепенно обретала плоть.

Но он также не хотел мучить его слишком сильно, поэтому, когда Виэн, оставив попытки объясниться, тяжело вздохнул и закрыл глаза, Ансель громко рассмеялся, протянул руку, чтобы погладить котенка на коленях у Виэна, и сменил тему: — Ты в последнее время учишься писать?

— Да. Но получается плохо, — честно ответил Виэн. Он знал, что, когда его принесли обратно, тот человек наверняка просмотрел его блокнотик. Внезапно Виэн почувствовал легкое облегчение оттого, что большая часть записей внутри была его собственным «виэнским языком» — даже для Анселя из прошлой жизни это было бы наполовину загадкой, которую можно лишь угадывать, иначе всё бы раскрылось окончательно.

— Если тебе понадобятся какие-то книги, можешь попросить Олли найти их или прямо прийти ко мне в кабинет, — слова Анселя звучали как обычная вежливость, но Виэн знал: раз он сказал такое, значит, это действительно можно воспринимать всерьез, и он даже специально отдаст соответствующие распоряжения кому следует.

— Большое спасибо вам, молодой господин, — Виэн осторожно опустил руку на правую руку Анселя, которой тот гладил Жемчужинку. Ансель не стал выдергивать руку, молчаливо одобряя его жест, и тихо произвел: — Так ты простишь мне ту утреннюю вольность?

Набравшись смелости, Виэн взял его за руку и покачал головой: — Я вовсе не сердился на вас из-за этого.

Виэн думал, что этот инцидент уже исчерпан, но Ансель всё никак не мог забыть ту слезу. Сказать что-то такое, от чего мужчина выше него самого заплакал, — этот опыт был настолько невероятным, что впоследствии в его голове раз за разом прокручивался тот разговор, и чем больше он думал об этом, тем сильнее чувствовал, что потерял бреденность и сболтнул лишнего.

Ансель опасался, что идущий позади Уильям заметит это, но в то же время не решался просто так отнять руку, поэтому лишь понизил голос и неуверенно прошептал ему на ухо: — Я здесь.

Войдя, Лайру увидела Виэна, сидевшего на постели с обмотанной марлей головой, и её сердце сжалось от жалости. Бросившись к кровати, она схватила его за руки и принялась без умолку причитать.

Ансель не задерживался надолго. После его ухода улыбка на лице Виэна постепенно увяла. Помолчав немного, он наконец набрался смелости и попросил прислуживавшую горничную позвать матушку Лайру.

Сначала было просто любопытство, потом привлекла внешность. После долгих наблюдений каждое движение Виэна словно заронило бесчисленные семена трав в бескрайние просторы равнины, и прежде чем Ансель успел опомниться, эта слеза пролилась проливным дождём.

Его сердце переполнилось густой, трепетной смесью горечи и радости, из-за чего он больше не смел смотреть на Виэна.

Он уложил Виэна на кровать и уже собирался подняться, как вдруг почувствовал, что кто-то легко тянет его за воротник.

Он видел, как Виэн плакал дважды: первый раз — пораженный до глубины души, второй — испуганный. С самой первой встречи его взгляд непроизвольно принимался отыскивать фигуру этого слуги, а затем в подходящий момент он подходил и бросал пару слов. Словно озорной ребенок, увидевший, что воздушный шар улетает, дергает его за веревочку.

Но едва слова слетели с губ, как на губах Виэна заиграла сладкая улыбка, и он медленно разжал пальцы.

Трудно передать, насколько сильным было потрясение в его душе тогда. Этот беззаботный юноша, не знавший ни бед, ни болезней с самого детства, даже не сталкивался со смертью кого-то из близких. Внезапно увидев, как то лицо, что прежде пылало яркими красками, побледнело, он впервые ощутил всю реальность утраты.

Семена трав, едва завидев дождь, дали всходы и пошли в бурный рост.

Первым же делом после перерождения он захотел помочь матушке Лайру, предотвратить конец, при котором её в прошлой жизни выгнали из поместья. И хотя сейчас историю с незаконнорожденным сыном действительно не обнаружили, произошло кое-что куда худшее: Броуна задержали за то, что он избил его.

Он не знал голоса и манеры говорить того парня по имени Ан, и думал, что это не сработает.

Ан... Даже зная, что зовут совсем другого человека, Ансель все равно чувствовал, как в груди всё переворачивается. Его длинные пряди скользнули с уха и упали на щеку Виэна, и ему показалось: золотистые волосы так чудесно переплетаются с черными, как же они подходят

друг другу.

Но не успел он привести мысли в порядок, как Виэн пострадал. Пока ребенок заворуженно смотрел на прекрасный рисунок на воздушном шаре, тонкая нить, обвивавшая его пальцы, незаметно развязалась.

Виэн заметил, что она ведет себя как обычно, и слегка удивился: неужели она еще ничего не знает? Поборовшись с мыслями, он заговорил: — Броуна задержали.

Хотя Ансель и утверждал, что с бродяжками в городе расправляются сразу, как только находят, Виэн-то знал, что это не так — иначе уличных бродяг давно бы уже вычистили. Причина, по которой приют на этот раз отреагировал столь молниеносно, заключалась в том, что за этим делом пристально следили два барона.

Лайру на мгновение замерла и с горькой усмешкой кивнула: — Я знаю.

— Прости меня. — Поведение Броуна не заслуживало ни капли сочувствия, Виэну лишь было ужасно совестно перед матушкой Лайру. Он ведь прекрасно знал, что Броун сбился с пути и в будущем натворит дел, но тогда он лишь вскользь напомнил ей об этом, а потом перестал следить за ситуацией.

Из глаз Лайру брызнули слезы: — Виви, за что ты извиняешься? Это матушка перед тобой виновата! — Крепко обняв Виэна, она горько зарыдала: — Это матушка плохая, не уследила за этим балбесом! Он ведь ударил тебя, я слышала, он ударил тебя вывеской! Как же тебе было больно! Это я виновата перед тобой!

Виэн задохнулся от подступивших слез, руки его застыли в воздухе — он не знал, стоит ли обнимать эту убитую горем женщину.

— Как же тебе было больно... Лучше бы он меня ударил! Я правда ничего не могла поделать, Виви, я ничего не могла поделать! — Она плакала сдержанно, боясь, что ее услышат снаружи, проглатывая каждый звук глубоко внутри, точно так же, как обычно глотала горькую чашу жизненных невзгод, — Мне нужно жить, нужно зарабатывать на еду! Я знаю, что школа не удержит его, но я не могу вечно ходить за ним по пятам, мне еще нужно работать здесь, я ничего не могла поделать! Ты простишь матушку? М? Простишь?

Виэн жадно хватал ртом воздух, чувствуя себя так, словно задыхается, и отчаянно закивал. Он ведь должен был понимать, что Лайру не справится с этим сама, но он был слишком горд: переродившись, вознесясь высоко над остальными, он бросал небрежные советы, наивно полагая, что всё изменится само собой. Ему следовало уделить этому больше внимания и разобраться во всем лично, а не доводить до того, чтобы теперь Лайру утешала его и просила прощения.

Виэн крепко прижал ее к себе. Лайру заплакала еще громче: оттого, что кто-то ее обнимал, ее

давно очерстевшее сердце согрелось нежным объятием, и она рыдала даже более отчаянно и горько, чем в прошлой жизни: — Я ничего не могла поделать, я слишком бедна, жизнь слишком горька! Я не хочу жить, но мне так плохо, в животе так пусто, это невыносимо! Ты понимаешь это чувство? Мне нужно зарабатывать деньги, мне нужно есть!

— Я не боюсь смерти, но голод страшнее смерти! — Рыдания Лайру полоснули Визна по живому, и он тоже заплакал. Сначала тихо, а затем перешел в громкий вой, на лбу вздулись вены, а рана на затылке пульсировала от боли, отзываясь в унисон с бешено бьющимся сердцем.

В прошлый раз он так плакал в дождливый день в прошлой жизни, когда стоял на коленях в луже грязи, а зонт Анселя валялся на земле, и они оба мокли под дождем.

Он ни капли не жалел этого слабого юношу перед собой, потому что в тот момент искренне считал себя самым несчастным существом на свете. Он изо всех сил колотил руками по грязной луже, брызги летели во все стороны, он невнятно кричал, неся какую-то бессмыслицу, словно безумец: — Не надо мне рассказывать эти великие истины о том, что за деньги не купишь счастье или радость! Какое вы имеете право упрекать меня в меркантильности и корысти! Вы, хоть кто-нибудь из вас, бывали бедны хоть день в своей жизни? Знакомо ли вам чувство, когда ешь сегодня, но не знаешь, будет ли что поесть завтра, и тебя тошнит желчью от голода? Знакомо ли вам, когда родной человек угасает на твоих руках просто потому, что у тебя нет денег на лекарство? Знакомо ли вам, когда продаешь дочерей и сыновей, а в конце концов все равно не можешь наскрести даже на грош для гроба и приходится заворачивать тело в циновку и бросать на общей могиле, где кости свалены в кучу и даже негде помянуть память ушедших?!

— Я ненавижу вас! Я ненавижу вас всех! — Визн схватил с земли горсть грязи и швырнул в Анселя, и та целиком угодила в его дорогой белый костюм. Его дрожащие пальцы яростно тыкали то ли в самого Анселя, то ли в ряд роскошных особняков за его спиной.

— Мне нужны деньги, очень много денег! Я больше не хочу быть бедным! Если у меня будут деньги, я тоже могу быть счастливым и радостным! Счастливее и радостнее всех вас, черт побери!

Стиснув зубы, с глазами, полными ненависти и боли, Визн чеканил каждое слово: — Всех! До! Единого!

Когда последняя горсть грязи полетела в цель, Ансель качнулся — ком земли угодил ему прямо в лицо. Только тогда Визн заметил, насколько бледно его лицо, словно он готов был рухнуть без чувств в любой момент. Ансель медленно стер грязь с лица, зажмурившись, а холодные дождевые капли стекали по его волосам и щекам.

— Прости меня, — тихо произнес Ансель дрожащим голосом.

— Прости, — повторил он снова и, качнувшись, завалился назад.

Виэн действительно плакал очень долго, пока Лайру не испугалась, что он потеряет сознание. Когда он наконец немного успокоился, Лайру рискнула уйти.

Лежа в постели и глядя в темный потолок, Виэн проворочался до самого рассвета, пока брезживший свет не увлек его в глубокий сон.

Ранним утром у окна слышалось глухое стуканье — будто обо что-то ударился какой-то предмет.

С трудом подняв уставшее тело, Виэн сонный подошел к окну и распахнул створки. Солнечный свет вихрем ворвался в сумрачную комнату.

Не успел он опомниться, как в комнату влетел маленький фиолетовый цветок — судя по всему, звук удара издал как раз один из его братьев, врезавшихся в оконное стекло.

Подобрав цветок, Виэн выглянул из обвитого цветами окна наружу и увидел Анселя в темно-синем плаще, верхом на Шенове, в морозное сероватое утро с целой охапкой разноцветных цветов в руках.

Ансель опустил голову, вытащил из объятий еще один цветок и уже собирался снова запустить его в окно второго этажа, как вдруг заметил, что створка уже распахнута, и оттуда на него во все глаза смотрит темноволосый зеленоглазый юноша.

— Виэн! — на лице Анселя расплылась широкая улыбка, он высоко поднял цветы, зажатые в руках, и несколько плохо удерживаемых стеблей упали ему на лицо и плечи, заставив его зажмуриться.

Ветер трепал его золотистые длинные волосы, а глаза сияли, словно драгоценные камни. Его голос был полон радости и сил.

— Доброе утро, Виэн! Шенов говорит, что безумно соскучился по тебе!

Чистое и ослепительное.

Виэн не удержался и тоже улыбнулся, распахнув окно настежь. Высунувшись наружу, он изо всех сил замахал фиолетовым цветком, зажатым в руке.

Снаружи сияло солнце, цветы уже вовсю распустились, и хотя погода все еще оставалась холодной, весна уже наступила.